

«Судьба культуры зависит, разумеется, прежде всего, от тех, кто ее непосредственно создает или содействует ее распространению в обществе»

«Сегодня под культурой понимают все что угодно, но только не образование и науку…»

В.М. Межуев

Известный отечественный философ культуры, культуролог, доктор философских наук, профессор Вадим Михайлович Межуев – один из самых ярких представителей поколения «шестидесятников», ученый-концептуалист, классик советской философско-культурологической школы. По большому счету, Межуев – это не фамилия, это Имя и живое слово в современной российской культурологии.

В нынешнем году известному ученому, судьба которого связана, прежде всего, с Институтом философии Российской академии наук, исполняется 75 лет. Длительное время Вадим Михайлович Межуев сотрудничает с Российской академией государственной службы при Президенте РФ. В настоящее время он профессор кафедры культурологии и деловых коммуникаций РАГС. Редакция журнала поздравляет юбиляра и представляет вниманию читателей фрагменты его выступления на научно-методологических семинарах «Культура и культурная политика» по теме «Государство и культура» и «Культура и экономика».

Государство и культура

Вадим МЕЖУЕВ – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН

«Свобода» культуры

…С развитием средств массовой коммуникации сфера культуры вышла далеко за рамки одной лишь образовательной деятельности. Сегодня она охватывает самые разные формы участия человека в культуре – от обучения в школе и университете до участия в массовых зрелищах и работы в Интернете. Даже традиционные учреждения и институты культуры – театры, библиотеки, музеи, выставки и пр. во многом преобразились, приобрели иной вид, по-новому строят свои отношения с посещающей их публикой. Современная культура в своей значительной части обрела характер коммерческой деятельности, поставленной на поток мощной индустрии, экономического маркетинга.

За последний период произошли и другие изменения. Культура в нашей стране освободилась от идеологического диктата власти, от государственной цензуры. Все виды творческой деятельности стали свободными в прямом смысле этого слова. Никто не сомневается в огромном позитивном значении происшедших перемен. Однако с творческой свободой пришли новые проблемы, касающиеся, прежде всего, изменившейся роли культуры в современном обществе, эстетического и морального качества создаваемой ею продукции, ее доступности для массового потребителя и пр. Все они касаются взаимоотношения государства и культуры в современных условиях. Означает ли это, что государство, предоставив деятелям культуры полную творческую свободу, должно полностью устраниться от решения проблем культуры, целиком уйти из этой сферы, передоверив ее судьбу исключительно рынку? Какова вообще роль государства в культурной жизни современного общества?

<…> Сегодня многие думают, что культура нуждается в государстве только экономически, прямо зависит от его финансовой помощи и поддержки. В своих обращениях к государству деятели культуры обычно сетуют на недостаточное финансирование их проектов и начинаний. Действительно, от того, сколько денег государство выделяет на культуру, зависит многое, но только ли к этому сводится его роль? Даже при наличии государственного финансирования культуры встает вопрос: на что в первую очередь нужно тратить выделяемые средства? Какими приоритетами должно руководствоваться государство в своей культурной политике?

Финансовая зависимость культуры от государства существовала во все времена, хотя проявлялась по-разному на разных этапах истории. Традиция финансового поощрения властью выдающихся деятелей искусства и науки (посредством государственных грантов, премий и пр.) сохраняется и сегодня. Существует и прямое государственное финансирование наиболее значительных творческих коллективов, из чего часто делают вывод, что главным объектом государственного покровительства были и остаются сами творцы культуры. Но как совместить этот вывод со стремлением тех же творческих работников полностью освободиться от диктата власти? Пока они работают на власть, выполняя ее прямые заказы, свое творчество они как-то сочетают с ее пожеланиями, но зачем государству платить за музыку, которую оно не заказывает? Свою свободу художник должен те-

перь оплачивать из собственного кармана, продавая свои произведения на рынке, превращая их в товар. Зависимость от власти сменяется зависимостью от частных компаний и фирм, дающих ему определенный заказ или торгующих продуктами его труда. И такая зависимость для художника подчас не менее обременительна, чем прежняя. Большинство находит выход в том, что приспосабливает свое искусство к требованиям массового потребителя, реагирует исключительно на спрос, даже если он не во всем соответствует канонам высокого художественного вкуса. Так рождается массовая культура. Она целиком во власти рынка, являет собой особый вид предпринимательской деятельности и далеко не во всем соответствует тому, что понималось под культурой раньше. Например, в оценке произведений искусства на смену эстетическим (качественным) критериям приходят социологические (количественные), учитывающие не столько их творческую новизну и оригинальность, сколько массовую популярность Подобную коммерциализацию и «омассовление» культуры часто выдают за ее демократизацию.

Существует мнение, что демократия, открывая широкий доступ к культуре, влечет за собой снижение идейного, морального и эстетического уровня культурной продукции. К такому выводу склонялись многие философы на Западе и в России. Вспомним того же Ницше, говорившего, что книги, которые пишутся для масс, – это дурно пахнущие книги. О том же и знаменитая книга Ортеги-и-Гассета «Восстание масс». По их, да и не только их, мнению, подлинная культура не демократична, а аристократична, элитарна, рассчитана на избранных. Разве расцвет классической культуры не падает на времена, когда не было никакой демократии, а художники творили под присмотром монархической и самодержавной власти? Пример России, достигшей высот своего художественного развития в эпоху царизма и даже советской власти, а сейчас в чем-то утратившей эту высоту, казалось бы, только подтверждает такое мнение. Задача государства, с этой точки зрения, состоит в том, чтобы и в условиях демократии поддерживать «высокую», или элитарную, культуру, тогда как массовая культура может выжить на началах полной самоокупаемости.

Право на культуру

<…> Обеспечивая равный доступ к достижениям науки и искусства всем гражданам, без чего их право на власть оказывается пустой фикцией, государство способствует тем самым развитию самой культуры, которая, повторим, существует только в процессе своего потребления и освоения. Рынок вроде бы также связывает производителя и потребителя, но в функции все же не писателя и читателя, музыканта и слушателя, художника и зрителя, а, прежде всего, продавца и покупателя. Отношения между ними строятся здесь на основе экономической выгоды и расчета, что прямо не совпадает с отношением людей внутри культуры – между творцами и их публикой. И только государство может защитить культуру от ее сведения к чисто рыночным отношениям, переводя, например, институты культуры, имеющие общенациональное значение, в разряд государственных, финансируя их из государственной казны.

<…> Демократизация и приватизация культуры, с этой точки зрения, – разнонаправленные процессы. Если приватизация власти ведет к ее бюрократическому перерождению, то приватизация культуры – к ее денационализации, к превращению в массовую культуру, представляющую собой в значительной части культурный суррогат. Но можно ли в условиях рыночной экономики избежать полной коммерциализации культуры, ее превращения в объект частной собственности?

<…> Выработка культурного законодательства – важнейшая функция государства, если оно хочет оградить сферу культуры и от произвола рынка (когда за деньги можно все), и от произвола чиновников, поставить тому и другому предел. Право – единственно разумная альтернатива рыночному и бюрократическому «беспределу». Будучи делом профессиональных юристов и правоведов, право в демократическом государстве не может не считаться с пожеланиями и требованиями наиболее сознательной и культурно продвинутой части общества. Вот почему многие законодательные инициативы в области культуры инициируются сегодня не только профессиональными юристами, но людьми искусства и науки, прямо заинтересованными в судьбе культуры. Примером может служить разработанная академиком Д.С. Лихачевым в последние годы его жизни «Декларация прав культуры», ставшая широко известной благодаря Интернету.

По мнению Д.С. Лихачева, культура обладает своими, только ей присущими правами (подобными, например, правам человека), с которыми должно считаться любое государство. Эти права заключены в природе самой культуры, являются, так сказать, ее неотъемлемыми, неотчуждаемыми правами, вне которых и без которых она не может существовать. К ним в первую очередь относится **право каждой культуры на сохранение своей уникальности и самобытности**, в том числе на сохранение языка, на котором мыслит и говорит создавший ее народ, который выражает его национальное самосознание, присущие ему культурные ценности, нормы и идеалы. В равной мере каждая культура имеет право на участие в общекультурной жизни всего человечества, а также на свою международную защиту в ситуации военных столкновений и межэтнических конфликтов. Безусловным правом культуры является **свободный доступ к ней всех граждан общества**, снятие на этом пути любых экономических, политических, таможенных ограничений и барьеров. И, наконец, культура обладает **правом на поддержку со стороны государства**, несущего юридическую и моральную ответственность за судьбу своей страны и населяющих ее народов. Эти права можно, конечно, и расширить, но дело не просто в их перечислении, но, прежде всего, в констатации самого права культуры оставаться самой собой, а не тем, какой хотят ее видеть люди власти или денежные дельцы.

Культуру, несомненно, можно использовать в целях, далеких от ее подлинного предназначения, – для личного обогащения и наживы, простого развлечения и бездумного веселья, внешнего прикрытия собственной пустоты, установления монопольной политической власти отдельного лица или партии, усиления доминирующей роли собственного государства в мире, проповеди превосходства одного народа, нации или расы над всеми другими. Амбиции бизнесменов, политиков, идеологов всех мастей весьма многообразны, и именно в культуре они часто ищут средство для их реализации. При этом нарушается право культуры быть тем, чем она является по своему существу – **гуманизацией человеческих сил, связей и отношений**. С нарушением этого права сама история общества оборачивается тупиком или полной бессмыслицей. На эту сторону дела и обращал внимание Д.С. Лихачев.

<…> Люди, принадлежащие к разным культурам, могут, конечно, расходиться в целях своей жизни и деятельности, что во многом зависит от разделяемых ими культурных ценностей. Подобное расхождение не должно, однако, служить основанием для преследования и запрета чужой культуры. Право не предписывает человеку его культурной идентичности, но ставит под запрет любое действие, на-

правленное против людей другой культуры, способное нанести им ущерб.

<…> Культурное равенство реально обеспечивается не призывами и лозунгами, а правовыми средствами, что означает **предоставление каждому человеку права на свободный выбор своей культурной идентичности**. Только сам человек решает, какая культура нужна ему, что в ней ценно для него. Никто не может заменить его в этом выборе. Но чтобы сделать такой выбор, человек должен иметь доступ ко всей культуре, или, говоря юридическим языком, иметь **«право на культуру»** во всем ее объеме и масштабе.

В современном – постиндустриальном и информационном – обществе данное право выходит на одно из первых мест и вполне может конкурировать по своему социальному значению с правом людей на собственность. Только в отличие от последнего право на культуру реализуется не на рынке, не посредством предпринимательской деятельности, а, прежде всего, посредством системы образования и просвещения, включающей в себя разного рода учреждения, институты и средства коммуникации. Собственно, область реализации этого права в обществе и есть то, что называется сферой культуры, и она охватывает собой практически все пространство свободного времени. В контексте реализации права человека на культуру роль и значение свободного времени в общественной жизни людей неизмеримо возрастает.

Право на культуру тем и отличается от права собственности, что распространяется не на часть (частная собственность), а на все общественное богатство, как оно представлено в культуре. Никто не может ограничить человека в праве пользования любой частью культуры, будь то научное знание, создания искусства, те или иные виды творческой деятельности, средства коммуникации и формы общения. Оно предполагает право человека не торговать продуктами культуры, присваивать их себе как частную собственность, а владеть всей культурой целиком и без остатка. А что именно в культуре он посчитает для себя наиболее ценным и нужным, зависит только от его личного выбора. Очевидно, право на культуру может быть реализовано лишь в обществе, в котором **культура становится главным условием включения человека в общественную связь, основным источником его дохода и социального положения.**

Финансирование национальной культуры – прямая обязанность государства

… Мы живем сейчас в такое время, когда на любую сферу человеческой жизни смотрят под углом зрения, прежде всего, ее экономической целесообразности. Оправдает она себя экономически или нет? Хотя, как мне кажется, в цивилизованном мире ситуация меняется сегодня на прямо противоположную: все, что происходит в экономической сфере, начинают оценивать с точки зрения культурной целесообразности.

Давно известно, что экономика и культура – не очень дружественные сферы, в чем-то даже конфликтующие друг с другом. Еще в XIX веке было известно, что экономический прогресс не всегда сопровождается прогрессом культурным. Классическими примерами в этом смысле стали Германия и Россия XIX века: будучи экономически не самыми развитыми странами, они внесли в европейскую культуру вклад не меньший, а в чем-то даже и больший, чем другие.

Причина противостояния экономики и культуры очевидна – в экономике работают количественные критерии, в культуре – исключительно качественные. В культуре все уникально и неповторимо. Экономисты традиционно относят духов-

ную деятельность к непроизводительной сфере. Исключением является, пожалуй, только наука, которая, будучи, несомненно, духовной деятельностью, обрела сегодня значение материальной силы, важнейшего фактора развития современного производства. Не вкладывать деньги в науку равносильно тому, чтобы вообще приостановить экономическое развитие.

<…> Сегодня под культурой понимают все что угодно, но только не образование и науку. Если до 60-х годов XX века Министерство культуры и Министерство образования были одним министерством, то потом они разделились. Науку и образование почему-то вывели за пределы культуры, что вряд ли правильно. А к культуре относят, видимо, только искусство.

Почему так произошло? С развитием СМИ стало очевидно, что человек в современном обществе приобщается к культуре не столько посредством образования, сколько глядя в телевизор, посещая разные клубы и увеселительные учреждения, потребляя все то, что получило название массовой культуры. В своей значительной части эта культура транслируется не через образовательные сети, а по каналам массовой информации или в форме разного рода зрелищных мероприятий, функционируя в обществе на чисто коммерческой основе. Такая культура мало чем отличается от бизнеса, предстает как вид предпринимательской деятельности, который потому и называют шоу-бизнесом. В точном смысле слова ее и культурой не назовешь. И как любой бизнес она не нуждается в государственном покровительстве, существуя и распространяясь по законам рынка.

Но есть культура, которая без государственной поддержки не выживет. В отличие от массовой культуры ее называют национальной. Человек приобщается к ней не на массовом, а на индивидуальном уровне, для чего существуют особого рода институты – то же образование, школы разного уровня и профессиональной направленности, библиотеки, музеи, архивы и пр. Все они вместе образуют институциональную систему национальной культуры. Разумеется, государство не может прямо воздействовать на культуру, определять направление и ход ее развития. Это не его дело. Но государство обязано поддерживать институты национальной культуры, через которые она доходит до людей, становится их личным достоянием. Национальную культуру нельзя превратить в предмет торга, купли и продажи, если мы хотим жить в гражданском обществе и быть единой нацией. Она принадлежит каждому из нас по самому факту нашей гражданской и национальной принадлежности. Церковь же не торгует верой, почему же культура должна существовать в обществе на основе коммерческой выгоды и самоокупаемости, почему она должна торговать собой на рынке? Вот и получим общество с верующими, но малообразованными людьми.

Все мы хотели бы, вроде, жить в демократическом государстве. А что такое демократия? Это когда власть принадлежит народу. Но может ли она принадлежать народу, если ему не принадлежит культура? Могут ли претендовать на власть люди, лишенные свободного доступа к образованию и культуре? Демократический лозунг «вся власть народу» имеет смысл лишь в сочетании со столь же демократическим лозунгом «культура принадлежит народу», т.е. не только имущим и богатым, способным платить за нее, но всему обществу. Ее нельзя приватизировать, превратить в частное достояние. Поэтому институты этой культуры должны находиться на содержании также всего общества, т.е. государства, которому оно платит налоги.

Государственное финансирование культуры не надо изображать как милость власти, как проявление с ее стороны филантропических чувств и настроений. Это прямая обязанность государства, коль скоро оно служит народу. В конце концов, не из собственного же кармана власть оплачивает расходы на культуру. Она содержится на средства налогоплательщиков. Государство для них – та инстанция, которой они вверили сбережение и защиту принадлежащего им имущества, в данном случае культуры. Общество как бы доверяет государству охрану собственного культурного достояния, расплачиваясь за эту услугу собираемыми с него налогами. Государство здесь – лишь хранитель, сторож того имущества, которое по праву принадлежит всем. И не более того. Но представьте теперь, что деньги, которые вы заплатили за сохранность принадлежащего вам имущества, потрачены не по назначению, а само имущество осталось без присмотра или продано частным лицам. Как это называется на юридическом языке? Но именно это и происходит в случае, когда государство отказывается от финансовой поддержки учреждений и институтов национальной культуры.

Есть две вещи, которые, на мой взгляд, не подпадают под действие рыночных законов, – это природа и культура. А если подпадают, то вызывают глубочайший кризис – экологический и духовный. Как только власть рынка распространяется на культуру, она утрачивает что-то существенное в своем качестве, низводится до уровня скоропортящегося продукта, подобного тем, которые производятся в мире материальных благ и услуг. Вот почему она должна находиться под охраной государства, если мы, конечно, не хотим полной духовной деградации общества.

Меня удивляет поставленный вопрос: куда в случае культуры вкладывать деньги? Государство наше под влиянием экономистов, похоже, больше думает не о том, как субсидировать культуру, а как заработать на ней. Такое мышление не назовешь даже экономическим. Оно руководствуется желанием поскорее передать в руки частного лица принадлежащие государству (а, значит, всему народу) памятники истории и культуры, приватизировать театры, музеи, клубы, другие культурные учреждения, освободив себя от заботы о них, а заодно заработав на этом какие-то деньги. Психология мелкого дельца, ищущего легкого барыша. По существу, она означает торговлю чужим имуществом. Не лучше ли вложить государственные деньги в реставрацию и содержание памятников культуры, имеющих общенациональное значение, а затем окупить расходы за счет, например, развития массового туризма? Во всем мире именно так и делается.

В равной мере это относится и к фундаментальной науке, от которой, очевидно, нельзя ждать немедленной отдачи. Государство, которое не вкладывает в нее деньги, мыслит в масштабе ближайших лет, а не десятилетий, поступает как временщик, полагающий, что на его век хватит. Даже самый расчетливый капиталист думает о своих детях и внуках, стремится им что-то оставить и тем самым продолжить свое дело дальше. А тот, кто озабочен только непосредственной выгодой, не имеет будущего. Никто не требует от государства благотворительности, но оно обязано мыслить рационально, понимая, что нельзя подрубать сук, на котором сидишь, нельзя обрекать на финансовое голодание то, без чего невозможно никакое развитие.

Я тоже не знаю, сколько нужно денег на культуру, но уверен, что культура стоит любых денег, поскольку только благодаря ей человек остается человеком в полном смысле этого слова.